

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-4-11-20

УДК 372.882

Д.В. Сердюк, С.Р. СмирновИркутский государственный университет,
664003 г. Иркутск, Российская Федерация

Переключка сюжетных мотивов в рождественских и пасхальных рассказах Л.Н. Андреева

Аннотация. В статье исследуются сюжетные схемы и мотивы рождественских и пасхальных рассказов Л.Н. Андреева. Основным методом исследования – компаративный. Констатируется, что между разными жанрами календарной литературы в творчестве писателя существует определенная связь – автор использует как общие типажи героев, так и закрепленные за каждым типажом паттерны сюжета. Также исследуются случаи пересечения жанров по их общим признакам. При возникновении в сюжете мотива праздничного подарка он будет содержать в себе роковые коннотации и отражать общий пессимизм Андреева. Особое внимание уделяется рассмотрению публикации рассказов в их хронологической последовательности. Такой подход помогает проследить развитие сюжетных схем, определить, в каком жанре те или иные варианты развития истории появляются впервые, какие они претерпевают видоизменения, укладываются или не укладываются в жанровый канон. В границах андреевского «праздничного» интертекста функционируют важные мотивы пьянства и зооморфизма. Пьянство героев вступает в конфликт с постулируемыми христианскими праздниками и морально-этическими ценностями. Зооморфизм тесно связан с мифопоэтической темой, через которую Андреев переплетает языческое и христианское ощущение праздничного времени. Авторы статьи приходят в конечном итоге к выводу о том, что и в той, и в другой разновидности жанра у Л.Н. Андреева наблюдается тенденция постепенной пессимизации взгляда на финал своих историй, с которым из произведений не только уходит надежда на светлое будущее героев, но и сам жанр от рассказа к рассказу медленно рассыпается, теряет важные для его целостности типологические признаки.

Ключевые слова: Л.Н. Андреев, пасхальный рассказ, рождественский рассказ, календарная литература, жанровый канон, традиции и новаторство в литературе, сюжет

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Сердюк Д.В., Смирнов С.Р. Переключка сюжетных мотивов в рождественских и пасхальных рассказах Л.Н. Андреева // Литература в школе. 2024. № 4. С. 11–20. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-4-11-20

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-4-11-20

D.V. Serdyuk, S.R. Smirnov Irkutsk State University,
Irkutsk, 664003, Russian Federation

Intersections of narrative motifs in Christmas and Easter short stories by L.N. Andreev

Abstract. The article investigates the plot schemes and motives of L.N. Andreev's Christmas and Easter short stories. The main research method is comparative. It is stated that there is a certain connection between different genres of calendar literature in the writer's work – the author uses both general types of characters and narrative patterns assigned to each type. Also, cases of intersection of genres based on their common features are explored. If the motif of a holiday gift appears in the plot, it will contain fatal connotations and reflect Andreev's general pessimism. Particular attention is paid to considering the publication of stories in their chronological sequence. This method helps to trace the development of narrative schemes, to determine in which genre certain options for the development of plot appear for the first time, what modifications they undergo, and whether they fit or do not fit into the genre canon. Within Andreev's "holiday" intertext, important motifs of drunkenness and zoomorphism function. The heroes' drunkenness conflicts with the moral and ethical values postulated by Christian holidays. The zoomorphism is closely connected to the mythopoetic theme, through which Andreev interweaves the pagan and Christian feeling of festive time. The authors of the article come to the conclusion that in both versions of the genre, L.N. Andreev tends to gradually pessimism his view of the ending of his stories, with which not only does hope for a bright future for the heroes disappear from his works, but also the genre itself slowly disintegrates from story to story, losing typological features that are important for its integrity.

Key words: L.N. Andreev, Easter short story, Christmas short story, calendar literature, genre canon, traditions and innovation in literature, storyline

CITATION: Serdyuk D.V., Smirnov S.R. Intersections of narrative motifs in Christmas and Easter short stories by L.N. Andreev. *Literature at School*. 2024. No. 4. Pp. 11–20. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-4-11-20

Одна из главных тенденций, которая обнаруживается с приходом в русскую литературу модернизма – жестокий пессимизм во взгляде новой литературной эпохи на традиционные жанры. В этом отношении «праздничная» литература, всегда отличавшаяся чуть большим количеством формальных ограничений, становится наиболее привлекательным объектом для искажения. Чтобы глубже понять данное явление, необходимо, на наш взгляд, рассмотреть календарные тексты писателя в порядке их написания и последующей публикации. Так можно проследить, в какой момент автор сходит с намеченной классиками жанровой «тропы» и скрывается «в темную даль» модерна.

Если применить подобный подход к пасхальному творчеству Леонида Андреева, то можно сделать вывод о том, что за исключением последнего рассказа писатель совершает лишь незначительные шаги в сторону от традиционной модели пасхального рассказа. Вплоть до «Весенних обещаний» (1903) сохраняется один из главных признаков жанра, а именно – духовное и «нравственное перерождение человека» [3, с. 256] в финале повествования. Начиная с 1898 г., в котором Андреев впервые опробовал свой талант в данном жанре, с каждой последующей публикацией финал произведений хоть и оставался каноническим, но всегда сохранял небольшую толику пессимизма: внешнее благополучие соседствовало с ощущением того, что «торжество добра над злом крайне непрочно» [8, с. 124]. Подтверждение этой мысли мы находим и в статье Э.Н. Ширванова. Исследователь дает анализ цветосветовых образов на основе празд-

ничного текста Андреева «В темную даль». В данном рассказе нет «движения от тьмы к свету, мы наблюдаем синтез тьмы и света, в котором нет торжества одного над другим» [10, с. 100].

То же можно сказать и о финалах рождественских рассказов писателя. Если в рассказах «Из жизни штабс-капитана Каблукова» (1898) и «Что видела галка» (1898) Андреев четко выписывает позитивные перемены жизни своих героев, то уже в «Ангелочке» (1899) за счет того, что сцена трагической утраты любимейшей мальчику елочной игрушки остается сокрытой от читателя, завершающее рассказ событие обретает двойственную трактовку. Даже если предположить очевидное несчастье, которое постигнет Сашку и его отца после пробуждения, есть одна деталь, которая может породить сомнение в мрачном понимании финала. В минуту, когда под действием тепла ангелочек начал таять, он «как будто шевелился» [1, с. 168], а затем «встрепенулся, словно для полета» [Там же, с. 168] – смерти восковой фигурки сопутствует и намек на ее оживление, то есть воскресение. Что же касается последнего рождественского рассказа Андреева «Смех» (1901), то он, как и последний пасхальный рассказ писателя, обладает явно выраженной трагической концовкой. Стоит отметить, что разочарование в рождественской прозе наступает у художника на три года раньше, чем разочарование в пасхальной, потому и количество пасхальных текстов превосходит тексты рождественские.

Особое внимание стоит уделить текстам, следовавшим после публикации «Смеха», которые, как нам кажется, нельзя причислить

к жанру рождественского рассказа. Зачастую причиной этого становится то, что главным образом их «рождественность» исчерпывается лишь «приуроченностью» в одних случаях основных событий, а в других случаях и событий второстепенных к самому празднику: «Город» (1902), «Ипатов» (1911), «Орешек» (1911), «Герман и Марта» (1914). Дата появления двух первых рассказов говорит о том, что они не были приурочены к праздничной публикации. Можно лишь констатировать то обстоятельство, что «Орешек» крайне близок к рождественской сказке. Данную мысль также подкрепляет то, что рассказ был опубликован первого января. И все же провести четкую грань различий между рождественским рассказом и рождественской сказкой в данном случае не представляется возможным.

Необходимо обратить особое внимание на рассказ «Покой» (1911), который своим сюжетом о встрече с чертом определенно соответствует одному из признаков рассказа святочного, однако ни временем действия, ни датой публикации со святочным циклом праздников никак не связан.

Возвращаясь к рассказу «Ангелочек», необходимо указать наиболее очевидные его сюжетные параллели с такими пасхальными текстами писателя, как «Баргамот и Гараська» (1898) и «Гостинец» (1901). Гараська в доме Баргамота – это тот же Сашка в доме Свечниковых. Оба героя попадают в совершенно чуждое для них пространство, где среди посторонних людей они получают редко встречающуюся в их жестокой жизни доброту. Роднит эти ситуации также очевидное понимание того, что счастье героев будет длиться недол-

го: закончатся праздники, и Сашка отправится обратно домой, где его ждут тяжелые материнские кулаки, а Гараська вновь вернется на Пушкарную улицу, где за очередную кражу будет еще раз избит до полусмерти. Главный герой рассказа «Гостинец» Сазонка с нетерпением ждет Пасхи, чтобы прийти в больницу и подарить своему маленькому приятелю Сенисте подарок. Больной и несчастный, но душевно абсолютно светлый ребенок становится для Сазонки тем, чем являлся ангелочек для Сашки – символом чего-то чудесного и прекрасного, дарующего надежду и пробуждающего желание жить. Финал обеих историй трагичен: восковой небожитель плавится на печи, жизнь Сенисты забирает болезнь.

Ангелочек также важен как пример одного общего для пасхального и рождественского рассказа признака – праздничного подарка. Пасхальный подарок в своем жанре гораздо чаще становится центральным предметом, вокруг которого выстраивается все повествование, чем рождественский подарок в своем. В календарной литературе Андреева встречаются оба вида подарков, однако согласно вышеуказанной тенденции пасхальные превосходят по количеству рождественские. Рядом с не единожды упомянутым ангелочком мы можем с полным основанием поставить яйцо из рассказа «Баргамот и Гараська», гривенник из рассказа «Гостинец» и пирог из рассказа «В Сабурове». Три из четырех подарков отражают трагический взгляд писателя: яичко, которое Гараська хотел подарить Баргамоту, разбилось по вине последнего; гривенник, припасенный Сазонкой для Сенисты, не успел дойти до получателя;

ангелочек, по неосторожности Сашки, оказался на печке и «превратился в бесформенный кусок обыкновенного воска» [2, с. 8]. Пусть гривенник и не играет в одноименном рассказе такой значимой сюжетобразующей роли, которая имеется у ангелочка, оба подарка вынесены в заглавие рассказов. Стоит уточнить, что под «гостинцем» Сазанка подразумевает завернутый в платок «гривенник».

Еще один общий для пасхального и рождественского рассказа признак – душевное изменение центрального героя. У Андреева метаморфоза происходит с героем согласно следующей сюжетной схеме: в жизни человека возникает другой человек, который своими поступками или словами оказывает на него большое влияние и выводит из состояния душевного сна. Среди пасхальных рассказов можно выделить следующие пары: Баргамот – Гараська, Пармен – Санька, Сениста – Сазонка, Качерин – гимназистка, Алексей Степанович – Оля. В рождественских рассказах: штабс-капитан Каблуков – денщик Кукушкин, поп – грабители. Пары Баргамот – Гараська, штабс-капитан Каблуков – денщик Кукушкин интересны тем, что их эффект двухсторонний, влияние друг на друга и приводит каждого персонажа к «воскрешению». При этом Андреев сначала разворачивает конфликт между героями, который в кульминационный момент ими преодолевается, и каждый персонаж меняется в лучшую сторону.

Сравнивая главных героев пасхальных и рождественских рассказов Андреева, нельзя не отметить некоторую их общность. Героем всех пасхальных текстов писателя становится изгой. От рассказа к рассказу изгой Андреева могут менять свой возраст

и социальное положение, однако их осознанная отчужденность или же вынужденный остракизм остаются константой. Обращаясь к рождественским текстам, мы находим, что герои последних работ писателя соответствуют признакам героя-изгоя. Главный герой рассказа «Смех» чувствует, что любимая им женщина к нему охладела, и решает подойти к ней во время маскарада, чтобы объясниться, однако его новый внешний облик вызывает только приступ хохота. Событие, которое, по большому счету, должно было сблизить героев, только отдаляет их друг от друга. «Богатый переживаниями внутренний мир героя, вся палитра его многообразных чувств» [6, с. 51] оказывается скрыта под безэмоциональной маской. Если рассмотреть данный рассказ в контексте привычной для Андреева схемы пары героев, в которой один оказывает положительное воздействие на другого, то можно сделать вывод об очевидной инверсии данного паттерна. Среди пасхальных текстов в данную инвариантную систему также не вписывается последний рассказ «Весенние обещания». В нем, как и в последнем рождественском рассказе «Смех», тяга двух героев друг к другу не только не приводит героев к воскрешению, но и оказывает негативное душевное влияние на одного из них.

Отдельно следует сказать о детских образах. Главный герой рассказа «Ангелочек» Сашка представляет собой архетипический для рождественской литературы образ бедного ребенка с улицы. Среди пасхальных текстов Андреева мы встречаем трех детей, но ни один из них не имеет такого низкого социального положения, как у Сашки, что вполне

объяснимо, так как пасхальный рассказ хоть и наследует в известной степени от рождественского детскую тематику, однако лишен жесткой ориентации на социальную проблематику. Самой близкой парой для Сашки будет Качерин из рассказа «Праздник» (1900). Оба мальчика – гимназисты; оба, несмотря на то что не разделяют восторга от наступившего для всех счастья, тем не менее сталкиваются с каким-то важным атрибутом праздника и очаровываются им. Сашке не нравятся веселые дети, крутящиеся вокруг «крикливой», «наглой», «чуждой», «враждебной» елки, но именно на ней и висит тот чудесный ангелочек. Качерин, выйдя на улицу в Светлое Христово Воскресение, «с поразительной ясностью представился самому себе в виде какого-то отверженца, Каина, на котором лежит печать проклятия. Весь мир живых людей и неживых предметов говорил на одном веселом, звучном языке. Качерин один не понимал этого языка и мучился от дикого сознания одиночества» [1, с. 189]. Но когда он заходит в гимназическую церковь, его взгляд приковывает гимназистка одного с ним возраста; образ молящейся захватывает его, и тогда автор заключает: «Наступил праздник и для Качерина» [Там же, с. 192].

В статье «Аксиология пасхального рассказа в творчестве Л. Андреева и И. Шмелева» [5] утверждается, что можно говорить о «детских» чертах некоторых взрослых героев писателя: «За внешней холодностью Пармен скрывает чистое, почти детское сознание и светлую душу» [Там же, с. 268]. Можно также вспомнить детский восторг отца Сашки, который подобно своему сыну очаровывается восковой фигуркой.

Следует особо отметить, что многие герои пасхальных рассказов Андреева обладают «звериными» повадками. Перевоплощение в страшных «оборотней» происходит с героями в минуты ужасного отчаяния или в момент высокого эмоционального напряжения и чаще всего выражается в разных вариациях дикого воя: «...упал лицом на землю и *завыл*, как бабы воют по покойнике» [1, с. 48]; «...из груди его вырывается снова тот *жалобный и грубый вой*, который так смутил Баргамота» [Там же, с. 51]; «...он мысленно произносил упреки, которые он сделал бы теперь, если бы пришел Меркулов, но они не складывались в фразы и переходили в *дикий и неосмысленный крик*» [Там же, с. 186]; «...крику у нее не было, а только *дикий визг*, в котором трудно было разобрать слова» [Там же, с. 485]; «...она ничего не понимала и в *диком ужасе царапалась ногтями и выла*» [Там же]. Некоторые герои, наоборот, лишены звериного поведения, но видят зверей в других: «Потерявшийся, он шел к людям с безмолвным вопросом – и все людские лица казались ему *плоскими и тупыми, как у зверей*, а речи их ненужными, вздорными и лишенными смысла, как *бред или мычание животного*» [Там же, с. 97].

Один из рождественских текстов писателя также являет нам пример зооморфных героев. В статье «Бинарные оппозиции в рождественском рассказе Л. Андреева «Ангелочек» [9] подробно проанализированы все звериные черты главного героя Сашки. Есть внешний взгляд взрослых, которые нередко именуют мальчика «щенком». Сам автор, называя героя «волчонком», также вписывает его в зооморфный код. Эти примеры вновь демонстрируют схожесть

Сашки с некоторыми героями пасхальных текстов.

Наиболее близкую смысловую переключку мы наблюдаем между Гараськой и Парменом, где образ первого содержит в себе собачью семантику, а образ второго – волчью. Когда по вине Баргамота разбивается пасхальное яичко, Гараська завывает «без слов, *по-собачьи*» [1, с. 48]. Пармен на зиму устраивается сторожем в лес, по ночам он слышит «*волчий* протяжный вой» [Там же, с. 97]. Хоть Пармен сам не срывается на вой, но он практически живет с волками (уместно вспомнить пословицу: «С волками жить – по-волчьи выть») и при этом дичится людей. Если мальчик Сашка сравнивается с детенышем волка и собаки, то взрослые герои, напротив, сопоставляются с половозрелыми особями животных.

В зооморфной теме есть еще одна важная деталь: события рассказа «Ангелочек» происходят на Рождество, а это, «по народным поверьям, время волчьего разгула, завершающегося после Крещения» [9, с. 128]. Таким образом, через совмещение семантики христианского и народного праздника Андреев прорабатывает мифопоэтическую основу рассказа. Кстати, подобный пример мы можем наблюдать и в пасхальных произведениях писателя. Гараська «зимой куда-то исчезал, с первым дыханием весны появлялся» [1, с. 47], а Пармен до весны устраивается сторожем в лес. Таким образом, умирая на исходе осени и воскресая с началом весны, они живут по принципам солярного цикла. Может показаться, что в акте символического воскрешения имеет место уподобление главных героев Христу, что вполне укладывается в канон пасхального рассказа, одна-

ко «воскресение в русской духовной традиции понимается не как повторение природного цикла, а как переход в качественно иное измерение» [4, с. 379]. Языческий календарный цикл, построенный на почитании земли, подчеркивает природную, звериную черту андреевских персонажей. Можно также привести пример из рассказа «Весенние обещания», главный герой которого по призванию кузнец, а, как известно, кузнец – образ народный, связанный с нечистой силой и миром духов.

При этом было бы неверно утверждать, что Андреев заменяет или подменяет язычество христианством, как это зачастую происходило в «праздничных» рассказах М. Горького. Скорее всего, эти две модели восприятия накладываются друг на друга. Не случайно, наряду с описанием традиционных атрибутов празднования Пасхи, большое внимание уделено ощущению прихода весны; особенности данного времени года не столько перебивают дух праздника, сколько сплетаются с ним, подчеркивают все витальное, что в нем есть. Весенний акцент присутствует и в заглавиях некоторых рассказов автора: «Весной», «Весенние обещания».

Помимо язычества, звериной теме аккомпанирует «тема пьянства». Почти все главные герои пасхальных рассказов Андреева пьют. Пьянство может нести как нейтрально-негативную, так и резко отрицательную коннотацию. Приведем характерные цитаты: «Два раза он возвращался домой пьяный» [1, с. 368]; «Стой тут из-за вас, пьяниц!» [Там же, с. 45]; «В эту минуту он забыл, что одним из пороков, внушавших ему отвращение к себе, была приобретенная в этом году привычка к вину» [Там же, с. 185];

«И на первый день пасхи и на второй Сазонка был пьян, дрался, был избит и ночевал в участке» [1, с. 118]; «Там их бросили на асфальтовый грязный пол, и они заснули пьяным мертвецким сном» [Там же, с. 485]; «...хмельной сон убивал волю» [Там же, с. 472]. Даже если мы обратимся к текстам, в которых главные герои чуются алкоголя, как Пармен («В Сабурове») или Алексей Степанович («На реке»), то обнаружим, что Андреев все же вводит других персонажей, реализующих данную тему: «Ты что же это, пьяница, делаешь?» [Там же, с. 96], – обращается мать к напившемуся сыну; «Разве так когда ударят. Пьяные. С горя» [Там же, с. 180], – говорит женщина легкого поведения о захворавшем владельце публичного дома.

Иногда Андреев воспроизводит схожие сюжетные линии, в которых пьянство занимает одну из центральных ролей. Например, Сазонка («Гостинец») и Меркулов («Весенние обещания») в канун Пасхи решают отказаться от употребления спиртного. Данное им себе обещание – извращенная версия Великого поста – заканчивается печально, они срываются и возвращаются к бутылке. Если для Сазонки, тем не менее, наступает момент его духовного перерождения, то Меркулов окончательно проваливается на дно своей страшной жизни.

Среди рождественских текстов тема пьянства не так распространена и реализуется только в двух текстах: «Из жизни штабс-капитана Каблукова» и «Ангелочек». В «Ангелочке» алкоголь представлен в качестве одной из главных причин разложения семьи. Вначале спиртным злоупотребляет отец Сашки, но затем он заболевает, и тогда водка становится

обязательным спутником жизни уже матери семейства. В рассказе «Из жизни штабс-капитана Каблукова» весь сюжет выстроен вокруг того, что окончательно разочаровавшийся в жизни главный герой ожидает Рождества, под предлогом которого намеревается уйти в запой. Однако его денщик «идет на преступление – похищает деньги» [7, с. 119] и отсылает их своей нуждающейся в средствах родне, а для храбрости немного выпил, вследствие чего штабс-капитан думает, что Кукушкин его обманул и все деньги пропиты. Поначалу Каблуков хочет отдать подчиненного под суд, но осознав, что последний говорит правду, что намерения его были исключительно благие, находит в себе силы простить человека. Заканчивается рассказ словами: «Ни на следующий, ни на другие дни запой не являлся» [1, с. 78].

В данном контексте можно рассмотреть в творчестве Андреева героев-тезок и однофамильцев-двойников. Например, Марья из рассказа «Баргамот и Гараська» и Марья из рассказа «Весенние обещания». Первая Марья уважает мужа, как «человека степенного и непьющего»; Андреев описывает ее как женщину молодую и привлекательную, вторая же Марья замужем за пьяницей, который ее бьет; злоба на мужа и такого же пьяницу отца (Меркулова) только еще больше обезображивает ее и без того уродливые черты лица. Таким образом, вторая Марья по отношению к Марье первой – это злой двойник, ее же обезображенная копия. В пасхальных рассказах писателя существуют два Меркулова, однако связь между ними линейна: как Меркулов из рассказа «Праздник», так и Меркулов из рассказа «Весенние обещания»

несут в себе явно негативные коннотации. (Среди рождественских текстов Андреева однофамильцев-двойников не наблюдается.)

Можно сделать вывод о том, что в календарной литературе писателя существует четкая закономерность: движение от воспроизведения канона к его постепенному разрушению. Когда в 1898 г. Андреев впервые обратился к жанровым разновидностям пасхального и рождественского рассказа, им были написаны «Баргамот и Гараська» и «Из жизни штабс-капитана Каблукова», в которых нравственное воскрешение героя звучало априори. Но уже в «Гостинце» и «Ангелочке» финал становится открытым: душевное потрясение теперь сопря-

гается с жертвой, и до конца неясно, переживет ли герой утрату.

В 1901 г., с появлением трагического по своей сути рассказа «Смех», завершается интерес писателя к рождественскому жанру. Помимо общей устремленности к роковой безысходности рождественская и пасхальная линии андреевского творчества тесно переплетены идентичными сюжетными схемами, однородной типологией главных героев, а также единым набором тем и мотивов. Интерес к пасхальному жанру продлится еще три года и обретет свой финал в самом мрачном и безысходном из всех названных в данной статье рассказов – «Весенних обещаниях».

Библиографический список

1. Андреев Л.Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М., 1990.
2. Барашкова С.Н., Желобцова С.Ф. Традиции «Рождественской истории» в семантике сюжета рассказа Леонида Андреева «Ангелочек» // Казанская наука. 2021. № 1. С. 7–9.
3. Захаров В.Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Проблемы исторической поэтики. Вып. 3. М., 1994. С. 249–261.
4. Козина Т.Н. Пасхальный рассказ в русской словесности // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2010. № 6. С. 376–380.
5. Муратова Т.А. Аксиология пасхального рассказа в творчестве Л. Андреева и И. Шмелева // Филология: научные исследования. 2018. № 4. С. 265–270.
6. Нашатырева С.С. Экспрессионистический жест в рассказе Л.Н. Андреева «Смех» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2021. № 1. С. 49–52.
7. Никитина И.Н., Минкин К.С. Городской текст на страницах рассказов Леонида Андреева («Город», «Проклятие зверя», «История из жизни штабс-капитана Каблукова», «Ложь») // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 4. С. 117–121.
8. Садовников А.Г. Образная символика «пасхально-святочно-рождественских» текстов Л. Андреева // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.А. Добролюбова. 2016. № 33. С. 120–127.
9. Скуридина С.А., Кузьминых Е.О., Новикова М.В. Бинарные оппозиции в рождественском рассказе Л. Андреева «Ангелочек» // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 3. С. 124–144.
10. Ширванова Э.Н. Цветосветовые образы в прозе Леонида Андреева (на примере рассказа «В темную даль») // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. № 4 (24). С. 98–102.

References

1. Andreev L.N. *Sobranie sochineniy: v 6 t. [Works in 6 vols.]. Vol. 1.* Moscow, 1990.
2. Barashkova S.N., Zhelobtsova S.F. Traditions of the “Christmas Story” in the semantics of the plot of Leonid Andreev’s story “Little Angel”. *Kazanskaya nauka.* 2021. No. 1. Pp. 7–9. (In Rus.)
3. Zakharov V.N. Easter story as a genre of Russian literature. *Problemy istoricheskoi poehtiki.* Vol. 3. Moscow, 1994. Pp. 249–261. (In Rus.)
4. Kozina T.N. Easter story in Russian literature. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod.* 2010. No. 6. Pp. 376–380. (In Rus.)
5. Muratova T.A. Axiology of the Easter story in the works of L. Andreev and I. Shmelev. *Filologiya: nauchnye issledovaniya.* 2018. No. 4. Pp. 265–270. (In Rus.)
6. Nashatyreva S.S. Expressionistic gesture in the story by L.N. Andreev “Laughter”. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism.* 2021. No. 1. Pp. 49–52. (In Rus.)
7. Nikitina I.N., Minkin K.S. City text on the pages of stories by Leonid Andreev (“City”, “Curse of the beast”, “The story from the life of Staff Captain Kablukov”, “Lies”). *Scientific Notes of Orel State University.* 2021. No. 4. Pp. 117–121. (In Rus.)
8. Sadovnikov A.G. Figurative symbolism of «Easter-Yuletide-Christmas» texts by L. Andreev. *Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin.* 2016. No. 33. Pp. 120–127. (In Rus.)
9. Skuridina S.A., Kuzminykh E.O., Novikova M.V. Binary oppositions in the Christmas story by L. Andreev “Little Angel”. *The Problems of Historical Poetics.* 2023. Vol. 21. No. 3. Pp. 124–144. (In Rus.)
10. Shirvanova E.N. Color and light images in the prose of Leonid Andreev (using the example of the story “Into the dark distance”). *University Proceedings. Volga Region. Humanities.* 2012. No. 4 (24). Pp. 98–102. (In Rus.)

Статья поступила в редакцию 25.03.2024, принята к публикации 15.05.2024
The article was received on 25.03.2024, accepted for publication 15.05.2024

Сведения об авторах / About the authors

Сердюк Данил Витальевич – аспирант кафедры новейшей русской литературы Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет

Danil V. Serdyuk – PhD postgraduate student at the Department of Contemporary Russian Literature, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University

E-mail: serdyuk.danil89@mail.ru

Смирнов Сергей Ростиславович – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры новейшей русской литературы Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет

Sergey R. Smirnov – ScD in Philology (Literature), Associate Professor; Professor at the Department of Contemporary Russian Literature, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University

E-mail: srsisu@yandex.ru